Ни одно облачко в этот день не посмело появиться на голубом небосводе, заслоняя собой Солнце, что, зависнув над земной твердью, слепило всех своим ярким светом.

Зелёная травка, запахи сочных, луговых трав, пение птичек и лёгкий, тёплый бриз, не дававший Солнцу зажарить облачённых в доспехи воинов. Этот день весьма располагал к отдыху и праздному времяпрепровождению. Ну, знаете, бывают такие летние дни, когда ты просто радуешься без всякой на то видимой причины.

Однако, несмотря на располагающие к веселью и радости обстоятельства, хорошим этот день нельзя назвать при всём желании. Даже «плохим» он называться не заслуживает. Происходящее сегодня просто ужасно. Ведь этот день уже "зарезервировала" себе Смерть. Впрочем, пирует сия дама уже несколько дней и будет пировать ещё очень долго. Так что сегодняшний день лишь очередная «трапеза» в череде многих.

В течении прошлых трёх дней из приграничных фортов поступали доклады, являвшиеся, по сути, выжимкой из сведений, что несли прикреплённые к крепостям патрули. В основном, там сообщалось о передвижении д’харианских войск, их количестве, составе и о стычках с нашими мелкими отрядами. Потребовалось много часов прежде, чем нам с Чейзом удалось составить более или менее целостную картину. Это было непросто, учитывая, что, порой, доклады противоречили друг другу из-за чего приходилось уточнять поступающую информацию.

В тот момент я очень сильно пожалел, что сильно пренебрегал штабной работой. Этим, в основном, занималась Нишара. Получалось у неё не сказать, «хорошо». Скорее, «гениально». Девочка была стратегом от бога. И мне просто не нужно было вмешиваться в её работу, вникая в тонкости масштабного, военного планирования.

Самое забавное, что я был, наверное, единственным вестландцем, который хоть что-то понимал в такого рода вещах. Учитывая, что мои знания в этой области весьма ограничены и носят больше теоретический, нежели практический характер, ситуация становится ещё более идиотской. У Чейза, Ларса и Робба котелок немного варил в этом направлении, но это даже не смешно. Единственное, что они могут на данный момент - быть на подхвате. Вот, когда подучатся, возможно, и станут такими же недоучками, как я. М-да.

На третий день пришёл доклад из Пятого Восточного Форта. Крупные силы д’харианцев в количестве, примерно, от двадцати до тридцати тысяч упёрлись в траншеи этой крепости и активно штурмуют их. Согласно информации из форта, было уже три попытки штурма. Первые две с треском провалились. Третья увенчалась лишь частичным успехом, враги захватили первую линию траншей. Гарнизон отчаянно сопротивлялся и в ходе контратаки смог обратить д’харианцев в бегство. Однако сразу же после этого в бой вступили свежие силы врага, которым удалось полностью захватить сразу четыре линии окоп. Учитывая, что траншеи там выстроены в девять рядов, это можно смело назвать катастрофой. И д’харианцы, наверное, продвинулись бы и дальше, если бы комендант не решился задействовать пушки и немногочисленные гаубицы, размещённые в надземном бастионе.

Комендант, к его чести, сумел применить огнестрельную артиллерию строго по назначению, и в нужный момент. Из-за чего д’харианцы здорово умылись кровью и ни о каком продолжении штурма уже и не помышляли. Однако гарнизон крепости тоже понёс весьма ощутимые потери. Появилось множество раненых, за которыми необходимо было ухаживать, а имеющегося медперсонала оказалось категорически недостаточно. Пришлось отвлекать на это не слишком опытных бойцов, переводя их стан военных санитаров.

Если д’харианцы не будут медлить и задействуют максимум сил, четвёртый штурм может

оказаться последним. О чём комендант форта прямо написал, прося о помощи. И мне буквально пришлось срываться из Хартленда во главе отборного, двух тысячного отряда и галопом скакать к Пятому Восточному Форту. Мы буквально загоняли лошадей. Ведь если падёт эта крепость, вся наша оборонительная доктрина полетит к демонам. Д'Харианцы получат удобный «коридор», позволяющий «плевать» на форты вдоль бывшей Границы. Не говоря уже о том, что они получат безопасную дорогу прямо на Хартленд. А этого допустить никак нельзя. Если потеря пары - тройки фортов на северо-востоке ещё допустима, потому что там, по сути, ничего важного нет. Ни дорог, ни крупных поселений. А вот эта крепость, прикрывающая фактическую столицу, жизненно необходима.

Главнокомандующим в своё отсутствие я оставил Чейза. Он - единственный, кто имеет опыт командования относительно крупными воинскими соединениями, и кому я могу полностью доверять. Помогают ему мои друзья, Ларс, Робб, Шин, Ормуш... те, что были шерифами. Парни тоже толковые, но не слишком опытные и не имеющие большого авторитета за пределами Хартленда. Вместе с ними Чейз должен справится. Ну или, по крайней мере, не устроить совсем уж дикий бардак.

Очень не хватает Зедда. Пусть этот старик и не полководец, но во времена прошлой большой войны Срединных Земель и Д'Хары он был среди тех, кто принимал решения. Его опыт уже сослужил мне неплохую службу во время подготовки к военной кампании. Сейчас, когда она началась, его помощь нужна нам, как никогда.

Однако Зедд куда-то запропастился ещё полтора месяца назад. Уехал в одно глухое местечко на западе, с тех пор от него не было никаких вестей. За него я не слишком волнуюсь, старик не первый раз так надолго пропадает. Просто в этот раз он сделал это поразительно не вовремя. Я послал на ним поисковой отряд ещё три недели назад. До сих пор никаких вестей. И вот это вот уже сильно настораживает. Будь у меня такая возможность, я бы отправился на его поиски сам. Но её, увы, нет. Пока что мне ничего не остаётся кроме как надеяться, что со стариком всё в порядке.

Кэлен... отправилась со мной. Сама вызвалась, говоря, что её навыки сейчас гораздо нужнее на передовой. Утверждение весьма сомнительное, честно говоря. Я отказывался, как мог, но она, как оказалось, может быть ну очень настойчивой, если ей что-то очень сильно надо.

Приказывать или давить на неё не только бесполезно, но и вредно. Она - не местная и помогает нам исключительно на добровольной основе. Если ей что-то сильно не понравится Исповедница может просто покинуть Вестландию. Не говоря уже о том, что у нас с ней «особые» отношения, и говорить с ней позиции жёсткого руководителя я просто не мог. По крайней мере, без веской на то причины. Поэтому, оставив попытки переубедить, я всё-таки взял Кэлен с собой. Тем более, её таланты действительно могут быть полезны, если у нас появятся пленники.

Скакали мы восемнадцать часов с редкими перерывами на еду и короткий сон. Чудесное летнее утро вовсе не было для нас таковым. Сонные и уставшие мы наблюдали за тем, как форт буквально захлёбывается в крови. Д'Харианцы штурмовали его прямо сейчас, на наших глазах, неумолимо тесня гарнизон. Однако защитники крепости не оставались в долгу и отчаянно сопротивлялись, выкладывая стены трупов перед своими позициями.

Кто-то, возможно, комендант догадался построить мушкетёров в шеренги и приказать им стрелять залпами из траншей. Вместе с плотным огнём пушек, в которые заряжали, в том числе и, каменную картечь, это буквально выкашивало вражеские ряды. Вот только д'харианцам это было уже, видимо, не в новинку. В перерывал между залпами они отчаянно

рвались в атаку на участки траншей, удерживаемые гарнизоном крепости. Где-то нашим солдатам удавалось отбить такие наскоки с помощью слаженной работы копейщиков, сидевших там же, вместе с мушкетёрами. Ну а в тех местах, где пехотинцев с холодным оружием было недостаточно, д’харианцы прорывались в траншеи и жестоко расправлялись со стрелками. Что было особенно горько, так это то, что враги захватили несколько артиллерийских позиций. С пушками, снарядами и порохом. Конечно, разбираться они с ними будут ещё долго. Но если к ним попадёт образцы огнестрельного оружия, за массовым производством дело не станет. Наблюдая за всем происходящим, я всё чётче осознавал, что выбора то у меня, по сути, и нет.

Дав коню шенкеля, выезжаю вперёд и поворачиваюсь к своему войску. К двум тысячам умелых воинов, что повидали уже не одну битву. Однако такого сражения на их веку ещё не было. И они, совершенно естественно, находятся в смятении. Я вижу это по их лицам. Мои воины никогда не видели столько солдат в одном месте и уже не так уверены в победе. Количество д’харианцев сильно смутило их. К тому же, они сильно устали, и это ещё сильнее подрывает их боевой дух. Никуда не годиться!

- Друзья, братья, вот и настал тот миг, которого все мы так долго ждали. Миг, когда мы войдём в историю, обретём вечную славу и обессмертим себя в веках! Нас запомнят, как героев, что победили непобедимых и сокрушили несокрушимых! Мы победим ведь за нами Хартленд, Родина, свободная и славная! Посмотрите на врагов! За что сражаются они?! За жестокого тиран и страны, впавшие в ничтожество под его пятой?! За рабство, ложь и террор, распространяемые Ралом и его прихвостнями! Сила в правде, и эта сила с нами! Скачите вперёд и знайте, что вас больше, вместе с вами все свободные люди этого мира! Рубите д’харианцев, зная, что вы сильнее, ведь с вами правда. Топчите их и знайте, что вы - бессмертны, ведь ваш подвиг будут помнить в веках, а они просто канут в бездну забвения!

Я поскакал вдоль строя, произнося эту речь. Одни и те же тезисы в разных формулировках повторялись несколько раз, чтобы меня услышало и поняло, как можно большее количество воинов. Где-то на середине моей речи по рядам пошли одобрительные возгласы. Когда количество вторящих мне солдат перевалило за определённую отметку, я вскинул меч и заорал во всё горло:

- За свободу!!!

Громовой рёв сотен глоток подхватил этот клич. Воины вскидывали разнообразное оружие, которое у них было. Копья, мечи, топоры и булавы. Потрясая им, они грозили д’харианцам, которые за штурмом форта не заметили конницу, что зашла им во фланг. Отличный результат! Но этого всё ещё недостаточно.

- За Хартленд!!!

На этот раз меня уже не так хорошо было слышно из-за криков многих других глоток. Однако мой возглас всё же достиг своей цели. Поднялся ещё более грандиозный гвалт. Теперь уже все воины, как один, скандировали мои тезисы. Идеально.

- Вперёд! За славой!!! - провозглашаю и, поднеся к губам рог, дую в него, разнося по полю горькую, но торжественную музыку войны.

Воины пришпорили своих скакунов и двинулись вперёд, с чётким намерением втоптать врагов в пыль. Ну а я, развернув свою лошадь, был впереди этой дикой, конной лавы.

***

- За свободу!!! - кричала Кэлен, вторя Ричарду и солдатам, что скандировали этот лозунг.

Исповедницу буквально переполняла радость, предбоевой азарт, предвкушение мести, которая вот-вот свершится, и передаваемое ощущение значимости того, что происходит вот прямо сейчас, того, в чём сама она принимает непосредственное участие. Ощущение творящейся, в том числе, её руками истории. Кэлен буквально кожей чувствовала взгляды сотен тысяч Исповедниц, что были до неё и, наверняка, будут после. Предки смотрели на неё, оценивали, придирчиво сравнивали со своими деяниями, потомки же размышляли о том, справилась ли Кэлен Амнелл со своей миссией, всё ли сделал, как надо, не допустила ли где досадных промашек. Пока что они ничего не решили, ведь будущее туманно, и ничего ещё, толком, не ясно. И только от этой конкретной Исповедницы зависит, каков будет их вердикт.

Речь Искателя произвела на Кэлен сильное впечатление. Она, одновременно, вдохновляла, вселяя в тебя мысль о неминуемой победе над врагом, и внушала чувство ответственности за успех намечающегося предприятия. Буквально заставляла сделать всё возможное, чтобы всё получилось. Иначе, если ты не приложишь максимум усилий, то в историю тебе войти не светит.

Раньше Исповедницу как-то не заботило то, как её действия будут оцениваться в исторической перспективе. Всё это было какими-то отвлечёнными размышления, не стоящими потраченного на них времени. Так было до сего момента. Кэлен буквально возжелала того, чтобы её имя осталось на страницах пыльных летописей, как та, кто самоотверженно сражалась против тирана, и, в конце концов, погубила его.

Она слышала речи, что были и осмысленней, и изящней, и куда более патетичней, но именно эта сумела пробиться в её сердце и зажечь его. И не только в её, но и в сердца всех воинов Вестландии, что, несмотря на изнурительный марш, орут сейчас во всё горло, преисполненные энтузиазма и жажды крови.

Вскоре затрубили рога, призывая солдат на битву, и они откликнулись. Кэлен была Исповедницей, что никогда не пренебрегала боевыми упражнениями, её отец был знаменитым воином, и многому её научил прежде, чем умер от чахоточной болезни. И вместе с наукой меча он вбил в неё привычку к регулярным тренировкам и жажду совершенствования своих навыков. Это позволило ей выжить во время лютых гонений на Исповедниц, что случились сразу после падения Эйдендрила. И сейчас она намеревалась приложить максимум усилий, чтобы отомстить тем, кто охотился на её сестёр и на неё саму. Использовать всё своё мастерство, убив, как можно больше д’харианцев.

Из-за грохота крепостной артиллерии враги практически не слышали ничего вокруг, заметив мчащуюся на них конницу слишком только когда земля принялась дрожать у них под ногами.

Кэлен скакала в первом ряду, перед ней был лишь Ричард в своём полном латном доспехе, что буквально сверкал в этот ясный, солнечный день, и белом плаще, развевающемся на встречном ветру. Она видела ошалелые лица д’харианцев за миг до того, они врубились в их строй. Пехотная фаланга, стоявшая в арьергарде штурмовой колонны была сметена за считанные мгновения. Враги слились для Кэлен в одно красно-серое марево, в которое она, по мере сил, втыкала копьё и врубала лезвие топора.

Прокатившись сквозь д’харинские ряды, подобно приливной волне по низкому берегу, они не заметили, как миновали вражеское войско и прискакали на чистое поле. Она осознала, что что-то не так лишь, когда зазвучал военный рог. Остановившись, вестландцы, а вместе с ними и Исповедница, начали недоумённо оглядываться в поисках врага.

Кэлен ощутила, что у неё просто ужасно болит рука, в которой был зажат окровавленный топор. Впрочем, болела не только рука. Всё тело ломило так, будто она весь день, без отдыха, упражнялась с оружием.

Не успев до конца осмыслить произошедшее, Исповедница услышала новый сигнал. Куда более протяжный и звучащий немного не так, как предыдущий. Вскоре Кэлен поняла почему. Пели два рога. Один из них принадлежал Ричарду, а другой его заместителю Достлару, старому вояке, с которым у неё было короткое знакомство.

Двое командующих начали подъехали вплотную друг к другу, не переставая периодически дуть в рог, а затем начали разъезжаться в разные стороны. Сначала Кэлен не поняла смысл их действий, но когда войско стало разделяться ровно на две части, каждая из которых последовала за своим командиром, ей всё стало ясно. Сама она оказалась в отряде Дотлара.

От боевого задора, что тащил их за собой совсем недавно осталось не так уж и много, но даже этой малости хватало, чтобы почти не замечать сильную усталость и боль в натруженных конечностях. Не было уже той кровавой пелены, буквально застилавшей глаза и заставлявшей чуть ли не грызть врагов зубами. На её место пришёл холодный расчёт, который тоже, порой, необходим в сражении.

Их отряд скакал на запад, туда, где д’харианская пехота, судорожно выстраивалась в линию, формируя стену щитов, а арбалетчики выбегали вперёд, взводя свои машинки чуть ли не на ходу.

На востоке ситуация была несколько иной. Сильных пехотных полков там не осталось. Лишь обслуга осадных машин, которые, очевидно, собирались подвезти к форту, но просто не успели. Но зато «проснулась» д’харианская тяжёлая кавалерия, которая уже скакала навстречу отряду Ричарда. Врагов было чуть ли не в полтора раза больше, и вооружением они превосходили вестландцев. На взгляд Исповедницы, Искатель вместе со всем своим отрядом скакал навстречу верной гибели.

Кэлен слишком пристально всматривалась вдаль, и чуть не упала с лошади, когда по её шлему что-то чиркнуло. Больше от неожиданности, нежели от какого-то вреда, которого, вовсе, не имело места. Восстановив равновесие, она прильнула к гриве коня, спасаясь от арбалетных болтов, стальным ветром налетевших на вестландских всадников.

Многие из тех, что скакали с Кэлен в одном ряду, оказались повержены и, упав на землю, были затоптаны товарищами. Даже если их раны не носили смертельного характера, это не имело особого значения. Лошадиные копыта уравняли всех. И мёртвых, и раненых, и просто выпавших из седла.

Исповедница содрогнулась, представив, что было с ней, не удержись она на своём скакуне. Отвлекаться в боевой обстановке смерти подобно, и Кэлен только что познала эту нехитрую истину.

Д’Харианцы произвели уже, по меньшей мере, шесть залпов, по две на каждую шеренгу стрелков. Отряд Дотлара здорово поредел, благодаря меткости вражеских арбалетчиков. То тут, то там были видны прорехи в слитной ранее формации. Места погибших занимали всадники из задних рядов, но далеко не всегда это у них получалось, из-за чего грозная конная лава уже не выглядела столь устрашающей.

Однако вестландцы не потеряли боевой дух и организацию, продолжая во весь опор нестись на д’харианскую пехоту. Седьмого залпа так и не последовало. Стрелки поспешили спрятаться за

копейщиками и сейчас стремительно перегруппировывались.

Они были уже близко. Кэлен всё отчётливее различала фигуры врагов. Она перехватила поудобнее свой топор и выпрямилась, примечая первую «жертву». И за миг до столкновения она поняла, кого убьёт первым.

Увернувшись на скаку от двух копий, что пытались воткнуть в неё д’харианские пехотинцы, Исповедница проломила одному из них череп и понеслась дальше топтать и сокрушать.

В этот раз враги были готовы, а потому вестландцам было куда труднее. Они несли весьма заметные потери. То один, то другой всадник падал, сражённый длинным копьём. Но не только люди страдали. Д’Харианцы не щадили и коней, при любом удобном случае, калеча и убивая их. Впрочем, животные не оставались в долгу, топча пехоту, буквально вбивая её в землю.

Происходящее всё меньше напоминало то, что было совсем недавно, когда вестландцы буквально смяли вражеские ряды, прокатившись по ним, словно сани по свежему снегу. Сейчас шла взаимная резня. Всадники давили пехоту, нанося ей колоссальный урон, но и пехота в долгу не оставалась. Кое-где вестландцы уже начинали «вязнуть».

Вместо единой, слитной линии конницы образовалось множество клиньев, когда одни группы всадников продвигались без особых проблем, а другие останавливались, не в силах быстро преодолеть ряды д’харианцев.

Кэлен была буквально на острие одной из групп, сумевших вклиниться и не завязнуть по пути. Как и в прошлый раз, она рубила всех, кто попадался на пути, размахивая топором из стороны в сторону. Вот только теперь боль в натруженном запястье чувствовалась не в пример сильнее. Её рука уже практически перестала ощущать что-либо, кроме лёгких покалываний. Но она всё равно продолжала сжимать топор и опускать его на черепушки д’харианцев.

Казалось, Исповеднице сегодня сопутствовала удача. Несмотря на хаос, творящийся вокруг, она не получила не то что раны, даже царапины. Стрелы и болты пролетали мимо, калеча и убивая её товарищей, но не её саму. Копья либо бессильно скользили по касательной, либо вовсе не задевали Кэлен. А сама она, находясь в гуще схватки, разила врагов направо и налево.

Однако…

Осознав, себя лежащей на земле, она попыталась встать, но сбитое дыхание и боль в груди сильно мешали двигаться. Не успела Исповедница твёрдо встать на ноги, как получила сильный удар по голове, и всё вокруг окрасилось в серебряные пятна.

…удача всё же изменила Кэлен.

К счастью, она была всё же крепче, чем ожидал тот, кто её бил. Исповеднице было плохо, но она теряла присутствия духа. Упав на колени, Кэлен увидела ноги своего врага. Судя по изукрашенным поножам, это был офицер. Дождавшись, когда он окажется совсем близко к ней, она резко выпрямилась и потянулась губами к его лицу, не для поцелуя, естественно. Шлема на д’харианце не было. не имелось у него и оружия, кроме затянутых в латные перчатки кулаков. Не ожидая от врага такого странного манёвра, он отшатнулся, но Исповедница схватила его за плечи и притянула к себе.

Ощутив губами липкий пот на носу д’харианского офицера, Кэлен перестала сдерживаться, стерев все внутренние барьеры. Её силы, бывшая одновременно и благословением, и проклятием устремилась в этого мужчину. Как и всегда при использовании силы Исповедницы,

мир для неё будто бы треснул, по земле прокатился беззвучный гром, порождённый невидимой же молнией.

Однако в этот раз всё было немного не так, как всегда. Кэлен не ощутила такого ужасного и всеобъемлющего опустошения, как раньше. Появилась обычная усталость, которую вполне можно было перебороть. Это было удивительно и свидетельствовало о резком увеличении сил Исповедницы. А ведь Кэлен и так была весьма могущественна. В отличие от большинства сестёр, способных исповедовать лишь раз в несколько дней, она восстанавливалась за жалкие два часа. Однако теперь, похоже, и этот срок весьма подсократился. И с чего бы, вдруг, такое могло произойти, учитывая, что рост сил у Исповедниц заканчивается лет в четырнадцать - пятнадцать?

Впрочем, эти вопросы могли и подождать. Перво-наперво Кэлен надо было выжить, а остальное - потом. Там, где она оказалась, строй д’харианцев был прорван, многие пехотинцы разбегались в разные стороны, офицеры призывали к порядку, пытаясь восстановить порядок. Не так далеко шёл бой. Спешенные вестландцы сбились в небольшой отряд и пытались выжить, прорубаясь сквозь врагов. Делали они это довольно успешно. Боевой дух д’харианцев был серьёзно подорван и, встречая хоть сколько-нибудь ожесточённый отпор, они начинали просто бежать. Далеко не все, но подавляющее большинство. Данный легион был сформирован из новобранцев, слегка «разбавленных» ветеранами. Солдат отлично вымуштровали, но их неопытность сильно сказалась на их поведении в критической ситуации, когда ни в коем случае нельзя было проявлять слабость, они паниковали, руша строй и подвергая легион риску полной дезорганизации.

Обо всём об этом Кэлен поведал офицер, которого она исповедовала. Он же, по её приказу, неистово резал бывших товарищей, создавая проход к сражающимся в окружении вестландцам. Ярость, с которой бился этот д’харианский офицер была достойна быть воспетой в легендах. Кэлен слышала, что некоторые исповеданные, защищая свою госпожу, входят в особое психическое состояние и превращаются в совершенные, нечувствительные к боли машины смерти. Однако доселе ей никогда не доводилось видеть такое. Враги, которых она обращала дрались за неё хоть и отчаянно, но не совершали ничего и близко похожего на то, что творил сейчас этот д’харианец.

Изрубив на куски больше десятка бывших товарищей, он всё же помог Исповеднице пробиться к союзникам и потом встал рядом с ними, сражаясь за свою госпожу.

Какое-то время казалось, что они побеждают. Д’Харианцы либо гибли под ударами тяжёлых всадников, что лишились своих коней, либо убегали. Часть вестландцев настолько опьянела от успеха, что оторвалась от основной группы и побежала за улепётывающими врагами. Самонадеянность этих воинов погубила весь отряд.

У д’харианцев всё же были храбрые солдаты и решительные офицеры, не поддавшиеся общей панике. Опьяневших от успеха вестландцев встретила стена копий, прятавшаяся в небольшой складке местности. Организованный вражеский отряд за считанные секунды расправился с ними, показав остальным пример, продемонстрировав, как легко можно убивать вестландцев. После этого многие д’харианцы, что в панике бежали, повернули назад и, сбившись в какой-никакой строй, атаковали основную группу спешенных всадников. Их очень быстро взяли в плотное кольцо и принялись жёстко давить.

Вестландцы начали гибнуть один за другим. Они уже порядком устали, некоторые имели серьёзные раны, и ни у кого не было оружия хотя бы сравнимого по длине с вражескими копьями. Поэтому умирали они, не нанося какого-либо существенного вреда врагам. Впрочем,

они уже успели провести кровавую жатву, и смерть каждого из них в любом случае не будет напрасной.

Когда их осталось всего шестеро, включая Кэлен и исповедованного д’харианца, мимо пронеслась небольшая группа вестландских всадников, втоптавшая часть врагов, что давили их, в пыль. Несмотря на то, что те умчались дальше, боевой дух д’харианцев вновь пошатнулся. Часть солдат решила выйти из боя, товарищи попытались их остановить. Сержанты начали казнить дезертиров прямо на месте. Отчаянная мера, призванная восстановить порядок в критической ситуации. Вот только она обернулась против самих же д’харианцев. Дезертиры во главе с одним из лейтенантов не стали спокойно мириться с тем, что их убивают и дали отпор, повернув оружие против своих же товарищей. Завязалась драка уже между самими д’харианцами, казалось, позабывшими, о том, что у них под боком всё ещё есть вестландцы.

Впрочем, тем уже было не до сражения, и они пытались просто покинуть поле боя. В нынешнем состоянии от них почти не было толку. А если удастся выжить, глядишь, ещё получится послужить родному Хартленду.

Некоторое время им удавалось держаться вместе, в конце концов, она просто потеряли друг друга. Кто-то отставал, кого-то отвлекали враги, ну а некоторые просто сбивались с пути. Последнее случилось с Кэлен, осознавшей в какой-то момент, что поблизости нет ни вестландцев, ни даже исповедованного, который, по идее, должен был не спускать с неё глаз.

По счастью, д’харианцев поблизости практически не было. Так, лишь неясные силуэты вдалеке. Кажется, ей всё же удалось покинуть поле битвы. Ну или выйти на самую его окраину. Поняв это, она села там, где стояла. Пусть это и было небезопасно, враги всё ещё находились в опасной близости. Но теперь Исповеднице хотя бы не нужно заботится о том, что в следующую секунд ей в грудь воткнётся пика. Ну или голову размозжат чем-нибудь тяжёлым.

Слегка откинув спину назад и оперевшись руками о землю, чтобы иметь возможность быстро вскочить на ноги, Кэлен принялась восстанавливать силы. Она закрыла глаза, позволив себе немного расслабиться. Однако, временно отказавшись от зрения, Исповедница стала внимательно прислушиваться.

Увы, долго «прохлаждаться» ей не дали. Услышав тяжёлые шаги, что с каждой секундой становились всё громче и громче, Кэлен вскочила на ноги и, перехватив покрытый засохшей кровью топор по удобнее, медленно двинулась к двум д’харианцам, которые быстро с ней сближались, пока ещё двое их товарищей пытались незаметно подобраться к ней с другой стороны.

И это чуть не стоило ей жизни. Один из врагов оказался уж очень быстрым. Подбежав к не ожидавшей такого Исповеднице, он чуть не снёс ей голову. Шлем та сняла, садясь на землю. И сейчас очень пожалела об этом. Размашистый удар коротким клинком чуть не оборвал её жизнь. Спасла её простая случайность. Кэлен словно бы по наитию отскочила в сторону за секунду до того, как враг занёс свой меч.

Но то, что произошло потом случайным уже не было. Исповедница за миг сориентировалась в ситуации и уже сама отрубила голову проворному д’харианцу. Благо, тот был в лёгком, кожаном доспехе, которого её топор, казалось, и вовсе не заметил.

Обезглавленное тело врага ещё не успело, толком, упасть, а Кэлен уже оттолкнулась ногами от земли и бросилась бежать, как можно дальше отсюда. Она здраво оценивала свои силы и понимала, что ещё с троими в нынешнем состоянии просто не справится. Убежать у неё тоже,

вряд ли, получится, но, возможно, эти солдаты просто не захотят её преследовать. Они же не знают, что она - Исповедница. Или знают?

Кэлен бежала к форту, где воспрявшие духом вестландцы уже добивали штурмовую команду д’харианцев. Вернее, то, что от неё осталось после того, как по ней прокатилась тяжёлая конница. Исповедница надеялась, что там ей помогут.

Силы Исповедницы были на исходе, но она всё же заставляла себя переставлять ноги, и ей бы, наверное, удалось задуманное, если бы...

Вместо того, чтобы встать на твёрдую землю, ступня Кэлен провалилась в пустоту, а вместе с ней и она сама. Не заметив траншеи у себя под ногами, она, подобно сломанному памятнику, упала в неё.

...удача вновь не изменила ей. И на этот раз гораздо сильнее, чем в прошлый.

С большим трудом поднявшись на ноги, Кэлен попыталась выбраться из окопа. Но так как тот был весьма глубоким, доставая краем до её макушку, ей пришлось искать лестницу, ну или хотя бы насыпь. Поблизости никого не было, лишь трупы вестландцев и д’харианцев, лежащие в разных позах.

Она ковыляла по окопу, стараясь не слишком сильно задевать мёртвые тела, когда из-за угла бокового выбежало троё д'харианцев, которые без промедления бросились на Исповедницу. Это были те самые солдаты, от которых она убегала.

Вовремя отступив назад, она спаслась от булавы, которой размахивал самый здоровенный враг, носящий тяжёлую, легионерскую броню. Остальные двое, видимо, решив не терять времени, вылезли из окопа и побежали к Кэлен, очевидно, намереваясь напасть на неё сверху.

Исповеднице ничего не оставалось, кроме отступления. Но, к сожалению, теперь убежать Кэлен не смогла. Она сама загнала себя в окоп, ставший ей ловушкой. Отступать было просто некуда. Один из д’харианцев зашёл к ней со спины, и теперь грозил воткнуть в неё свой короткий меч. Её окружили со всех сторон. Спереди, сзади и сверху.

Кэлен оказалась в безвыходной ситуации, и чётко осознала, что шансов на спасение практически нет. Однако для неё это был, вовсе, не повод сдаваться. Наоборот, Исповедница вознамерилась, во что бы то ни стало, унести с собой в могилу хотя бы одного из этой троицы.

Наплевав на осторожность, она резко развернулась и, используя топор, словно меч, сделала колющий выпад в сторону врага. Тот, ожидаемо, на одних рефлексах отскочил назад. Этого-то Кэлен и нужно было. На последних остатках сил она бросилась на врага с занесённым топором. Тот, не успев сориентироваться, упал замертво с полукруглым лезвием, практически полностью вошедшим ему в грудь.

Исповедница, не ожидавшая, что у неё получится столь безрассудный манёвр, подобрала меч врага и бросилась наутёк, спасаясь от товарищей погибшего. Кэлен, уже давно вышедшая за предел своих физических сил, добежала до лестницы, которую так упорно искала. Иронично, что обнаружилась она в направлении, противоположном тому, куда она бежала до этого, и где её настигли эти проклятые духами д’харианцы.

Не медля ни секунды, Исповедница начала взбираться на эту лестницу и практически успела до того, как второй д’харианец в лёгкой броне догнал её. Серое лезвие пехотного меча мелькнуло перед взором Кэлен, и она совершенно инстинктивно махнула рукой, словно бы

отгоняя назойливую муху.

Кольчужная перчатка отчасти защитила конечность Исповедницы. Но лишь отчасти. Д’Харианская сталь пробила доспех и вошла в ладонь Кэлен. Благо, что не пробила ту насквозь.

В первые секунды она не ощутила вовсе никакой боли. Лишь видела, что ей нанесли ранение. Шок помог ей вновь принять быстрое решение, не оглядываясь на «входящие» обстоятельства. Топор, сжимаемый правой рукой, уже пролил сегодня много крови и, по видимому, не желал так скоро прекращать свою «забаву». Воспользовавшись тем, что враг вытаскивал из её ладони свой клинок, Кэлен со всего маху подрубила ему голень, а затем, когда он упал, всхлипнув от боли, опустила лезвие топора ему на шею. Отрубить голову не отрубила, не хватило сил, но вот фонтан крови пустила знатный. Перерубленная артерия окропила всё вокруг в красные брызги прежде, чем д’харианец в последний раз дёрнулся и навсегда затих.

За радостью от победы и болью в ране, она совсем забыла о третьем д’харианце. А зря. Тот не собирался оставлять её в покое и вскоре напомнил о себе.

Кэлен ощутила просто невероятную боль в районе колена. Будто взрыв, накрывший её в одночасье. И снова у Исповедницы откуда-то взялись силы и воля, чтобы не свалиться на дно окопа, воя от боли, а, зажимая руками раздробленные на куски кости, что вываливались из жуткой раны, сначала подняться на одну ступень, а затем начать медленно отползать от врага. Кэлен даже смогла немного затормозить д’харианца, отмахиваясь от него топором и не давая вылезти из окопа с помощью той же лестницы, что и она.

В какой-то момент врагу всё это надоело, и он просто отошёл в сторону и поднялся на поверхность без всяких вспомогательных приспособлений. После чего начал медленно надвигаться на Исповедницу, которая в нынешнем состоянии, конечно же, не могла никуда убежать.

На лице д'харианского легионера застыло безразличие. Он не испытывал ни радости, ни гнева. Ему было всё равно. Словно убийства давно стали для него рутиной. Фоном жизни. Возможно, для него вовсе и не было никакой разницы между ремеслом воина и, например, выделкой коровьих шкур. И от этого становилось, пожалуй, ещё горше и страшнее. Кэлен не хотела быть «очередной», «одной из многих». Той, о ком её убийца, скорее всего, даже и не вспомнит. Её давно уже не страшила смерть, но она не была готова, отчаянно, до скрипа зубов не желала, чтобы о ней ЗАБЫЛИ. Она - Кэлен Амнелл, приемница Матери-Исповедницы, одна из последних Исповедниц! Убийца просто обязан ПОМНИТЬ! А потому, преодолевая жуткую боль, Кэлен приготовилась продать свою жизнь подороже. Чтобы, даже умерев, напоминать этому д'харианцу о себе. Повязкой на потерянном глазу, шрамами, что ноют на плохую погоду, болью, и отрезанными пальцами, которые сделают из него ни к чему не способного калеку!

Кэлен уже мысленно себя похоронила, когда д'харианец резко остановился, словно налетев на невидимую преграду. Его лицо приобрело удивлённое выражение, как у ребёнка, у которого отобрали сладость. Постояв пару секунд, будто раздумывая над чём-то, он упал на траву, подобно скошенному стеблю. И она увидела, что в спине врага зияло совсем крохотное, круглое отверстие, из которого, даже как-то нехотя, сочилась небольшая, алая струйка.

http://tl.rulate.ru/book/65722/2283248